

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.17

В.А. Ачкасов

ДИСКУРС ПОСТКОЛОНИАЛИЗМА В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Рассматриваются некоторые особенности «политики памяти» постсоветских государств и России, для которой характерна новая, зачастую диаметрально противоположная интерпретация событий общего прошлого. Прежде всего в новых национальных историях в рамках дискурса постколониализма создается образ имперской и советской России как «негативно значимого Другого». Эта схема переносится и на нынешние отношения с постимперской Россией.

Ключевые слова: политика памяти; дискурс постколониализма; национализм; национальное самоопределение; Россия; постсоветские государства.

История не является и не может являться решающим фактором нашего видения сегодняшней реальности, равно как и не может определять способ его формирования

*Кишитоф Скубишевский –
министр иностранных дел Польши в 1989–1992 гг.*

Регулярность, с которой сегодня те или иные исторические события искажаются, «изобретаются», переинтерпретируются или «забываются», свидетельствует о ключевой роли «политики памяти» в концептуализации и идентификации настоящего любой нации. «Политика памяти универсальна, – замечает известный экономист Питер Катценштайн, – но она пересекается с политикой современности весьма своеобразно и нередко – непредсказуемо» [1. С. 281].

Крах коммунистической системы и рождение на постсоветском пространстве новых независимых государств привели к появлению новых национальных историй, в которых они заявили свои права на значительную часть истории русской и на новую (зачастую диаметрально противоположную) интерпретацию многих исторических событий. При этом в национальных исторических дискурсах акцентируется «коренное отличие» каждой данной общности от всех остальных (прежде всего от русских), для того чтобы отвести любые сомнения в легитимности нации, в ее праве на существование как «государствобразующей». Ради чего активно изыскиваются глубокие исторические корни «нации», теряющиеся в глубине веков. Одновременно в рамках дискурса постколониализма создается образ имперской и советской России как «негативно значимого Другого». Приставка «пост-» в данном случае указывает на рефлексивно-критический подход к отношениям, вытекающим из состояния, которое описывается как «колониальное».

Таким образом, приставка «пост-» означает определенную позицию, исходя из которой опознаются и интерпретируются проблемы как времен реальной или мнимой колониальной зависимости, так и постколониальных. «Одной из особенностей этого подхода является признание культурно и структурно обусловленного неравенства в качестве определяющего момента для формирования идентичности как «колонируемых», так и «колонизаторов», – отме-

чает О.Ю. Малинова [2. С. 356]. В результате «рядом с двумя привычными фигурантами – колонизатором и колонизированным – появляется еще один персонаж – постколониальный критик. И именно ему мы обязаны появлением постколониального дискурса. В связи с этим под постколониальностью обычно понимается определенное пространство субъектных позиций, в которых и из которых разворачиваются разноаспектные рефлексивно-критические проекты и программы, принципиально отличные как от направленных на колонизацию, так и продуцируемых с позиций уже колонизированных». Следует отметить и еще одну особенность постколониального дискурса, акцентируемую исследователями – это его «локализм и монологическая замкнутость» [3].

В свое время, анализируя структуру националистического мышления, американский исследователь Патрик Кольм Хоган выделил три его прототипные нарративные формы: героизм, жертвенность и романтизм [4. С. 167–201]. Однако в посткоммунистических странах с особым упором подчеркивается беспрецедентность и уникальность страданий, испытанных народами новых государств в колониальном российском и тоталитарном коммунистическом прошлом. Российская и советская история предстает исключительно как цепь преступлений, совершенных преимущественно русскими, и жертв, понесенных народами новых независимых государств. Как отмечает А. Миллер, «этнические предприниматели» практически полностью доминирующие на «научном» и идеологическом рынке стран, посткоммунизма, осуществляют масштабную «колонизацию исторического прошлого из современности». Для всех них Российская и советская империя – «лишь тягостный контекст, в котором “просьпалась”, зрела, боролась за независимость та или иная нация. В национальных историографиях вопрос о мотивации политики центральных властей почти никогда не ставится просто потому, что априорное стремление власти сделать

жизнь своих нерусских подданных как можно более несносной, принимается на веру» [5. С. 5].

Эта схема переносится и на нынешние отношения с постимперской Россией. Так, Тарас Кузио прямо пишет о «постсоветском колониальном пространстве», на котором стремление к национальному самоопределению неизбежно противоречит попыткам России вернуть себе ключевую роль в регионе» [6. С. 241–264]. И поскольку отношения в регионе описываются как колониальные, постольку все «постколониальные государства» неизбежно обречены на постоянную борьбу с Россией, которая препятствует их свободному самоопределению и вхождению в объединенную демократическую Европу. Так, «национальные проекты» многих постсоветских государств формировались «по лекалам распространенных во многих странах Центральной и Восточной Европы представлений об угрозе со стороны России для национальной и культурной идентичности малых европейских народов, одним из наиболее талантливых выражений которых является эссе Милана Кундеры “Трагедия Центральной Европы”. И выбор Европы для них – это выбор цивилизационный» [7. С. 208–209].

В целом история постсоветских стран в современном постколониальном дискурсе выглядит как своеобразное перманентное «бегство от имперской России». Причем для многих из них «вхождение в свободную Европу» становится своеобразным мифо-политическим обрядом перехода, благодаря которому «его субъект утрачивает прежнюю, негативную (имперско-советскую), идентичность и приобретает новую, позитивную (национальную), превращаясь, как вообразается, в равноправного и давно ожидаемого жильца «европейского дома». В этой условной схеме «Европа» и «Запад» являются не географическими, а идеологическими топосами, с ясно читаемым ценностным содержанием» [8. С. 183].

Все это делается якобы во имя «возвращения утраченного прошлого». Нетрудно заметить, что эти дебаты о новой «правильной» интерпретации прошлого являются на самом деле поиском «полезного прошлого», борьбой за символическую власть и легитимацию политического порядка. «Поэтому было бы удивительно, если бы новые суверены не воспользовались возможностью вписаться в дискурс “постколониализма” и представить свое нахождение внутри Российской империи и Советского Союза как пребывание в “тюрьме народов”» [9. С. 26].

Однако «ничто не ново под луной». Основоположник марксистско-ленинской историографии академик М.Н. Покровский в книге «Русская история в самом сжатом очерке» уже повествовал «о шовинистической колонизирующей русской нации, исполняющей волю деспотичного царского режима» [10]. Следует напомнить, что эта книга была главным источником в преподавании истории России в 1920-е гг. в советской школе. Позднее, наставляя историков-марксистов, Покровский постоянно повторяет характеристики царской России как «тюрьмы народов» и «жандарма Европы» и заявляет: «В прошлом мы, русские, были величайшие из грабителей, каких можно

себе представить» [11. С. 494–495]. При этом он просто следует за В.И. Лениным, который также используя формулу французского писателя маркиза Астольфа де Кюстина «Россия – тюрьма народов»¹, делал упор исключительно на угнетенном положении «нерусских» народов в Российской империи. Отличие новых национальных историй от исторического дискурса 1920-х гг. только в том, что в них и советский период интерпретируется как время колониального господства России и русских над народами национальных окраин империи.

В первые годы существования постсоветской России ядром новых исторических представлений у нас также выступало тотальное отрицание советского опыта. Символическая политика была подчинена задаче оправдания курса на радикальную трансформацию политического порядка [13. С. 117]. Однако, в конце концов, тотальная ревизия общей истории, произведенная нашими соседями, породила в России феномен «утраченного прошлого». В сознании русских глубоко укоренен имперский синдром «старшего брата», и потому стремительное превращение «братских народов СССР» в претендующих на значимость и суверенность «Других» вызвало шок и обиду на неблагодарных «младших братьев», прежде всего, за дегероизацию и дискредитацию общего прошлого, особенно за попытки разрушения «мифа Великой Отечественной войны»².

Такое сакральное для россиян историческое свершение, как победа над фашизмом в Великой отечественной войне, пытаются радикально деконструировать наши ближайшие соседи и бывшие коллеги по «социалистическому лагерю». Пытаясь разрушить важнейший для россиян идентификационный миф, власти и интеллектуалы посткоммунистических стран стремятся одновременно радикально реконструировать историческую память своих народов и сформировать определенную модель политического видения недавнего общего прошлого: то ставя под сомнение ведущую роль СССР в победе над нацистской Германией; то реанимируя миф о том, что Вторая мировая война на востоке Европы была ничем иным, как столкновением «двух тоталитаризмов» в борьбе за мировое господство («советско-нацистской войной»), а народы стран Балтии, Беларуси, Молдовы, Украины и др. стали его «жертвой». Причем, явно или неявно, победа «советского тоталитаризма» рассматривается как худший исход для народов Центральной и Восточной Европы. В результате утверждается, что агрессия нацистской Германии против СССР – это только превентивная защитная мера против угрозы развязывания Советским Союзом войны с Германией и странами Европы, а «свои» коллаборационисты объявляются «третьей силой», которая героически боролась за национальное освобождение, воюя и с Вермахтом, и с Красной армией и т.д.

Социологические опросы по поводу исторических событий, вызывающих чувство гордости у россиян сегодня, показывают, что «в советской истории с заметным отрывом лидируют Великая Отечественная война и ее отдельные эпизоды, в частности Сталинградская и Курская битва, взятие Берлина, снятие

блокады Ленинграда и т.п.». Так, Отечественную войну назвала почти половина опрошенных петербуржцев, при фактическом отказе новейшей истории России в праве формировать чувство национальной гордости [15. С. 93–96].

Одновременно «эпоха Ельцина» в официальной версии Новейшей истории теперь трактуются как времена хаоса и тотального разрушения. Как отмечает немецкий наблюдатель, «бичевание Ельцина и элементы советской ностальгии служили власти при Путине не только для того, чтобы украсить собственное правление ореолом славного прошлого и восстановления государственного порядка. Мифы, распространяемые государством, должны были также художественно заполнить вакуум идентичности». В связи с этим он именуется российское массовое сознание «регрессивным» [16. С. 73].

Конечно, власти всех постсоветских стран были заинтересованы не только в разоблачении «советского тоталитаризма» и «русского империализма», но и в конструировании «подходящего образа далеких предков», и эти претензии на «удревнение» истории и «заимствования чужих предков» не вызвали сколь-нибудь заметного протеста в России. Так, претензии украинских элит на монопольное владение «всем наследием Киевской Руси» вызывали лишь иронические комментарии российских историков. Однако радикально новая интерпретация советской истории, особенно истории Второй мировой войны, породила активный протест и, в конце концов, вызвала ответную реакцию – стремление защитить национальную историю «от очернительства», «посягательств» и «фальсификаций», «дать отпор», «поставить заслон» и т.д. «Показательно, – отмечает Д. Ефременко, – что российская власть и при Ельцине, и при Путине очень долго не решалась подступить к этой задаче. Споры об истории были частью общественной дискуссии, но на уровне официальной риторики подавались (и подаются до сих пор) довольно противоречивые сигналы. Однако в последнее время, главным образом в связи с системными усилиями «заклятых друзей России» из Балто-Черноморского региона по конструированию желательной для них версии исторического прошлого российская власть стала втягиваться в «историческую политику». И, похоже, всерьез и надолго [17. С. 73]. Действительно, особенно в 2000-е гг. Россия стремится продуцировать героически-победный нарратив великой державы. Однако это делает нашу страну объектом подозрений в новом империализме. В результате Европа и ближайшие наши соседи не воспринимают Россию как постимперское национальное государство и обвиняют в возрождении имперских амбиций.

В связи с этим вряд ли можно согласиться с утверждением Н. Копосова о том, что причиной актуализации исторической политики и воин памяти в посткоммунистических странах «послужила новая историческая политика российского правительства, состоящая в культивировании мифа о войне» [14. С. 263]. Историческая политика в современной России носит ярко выраженный реактивный характер. Музеи советской оккупации и институты националь-

ной памяти как «инфраструктуры ее политизации» появились не в России, а в Польше, странах Балтии и Украине. Как писал историк А. Миллер, до расширения ЕС на Восток существовал достаточно прочно выработанный еще к 80-м гг. XX в. консенсус по поводу истории Второй мировой войны. В этой картине прошлого ключевым событием являлся холокост. Практически все государства – члены Европейского союза, так или иначе, несли ответственность за то, что происходило в годы Второй мировой войны. Однако когда (в 2004 г.) произошло расширение Евросоюза, восточноевропейские государства, особенно балтийские, просто взорвали этот консенсус. Национальными героями в этих странах стали люди, которые участвовали в холокосте. При этом восточноевропейцы представляются как жертвы коммунизма, сталинизма, который принесен Москвой и только Москвой, и они в этом смысле страдали от равновеликого нацизму по своей преступности и зверству тоталитарного режима. Этой новой ситуации тоталитаризм (снова) становится ключевым понятием. Когда Европейский парламент принял в качестве общеевропейского Дня памяти – День памяти жертв тоталитарных режимов, то стало понятно, что европейский дискурс о прошлом реформативировался [18].

Тем не менее назвать реакцию российской политической и интеллектуальной элиты на проблемы, порожденные исторической политикой «соседей», адекватной было бы большим преувеличением. В современной России ситуация с историческими традициями и инновациями, их взаимодействием, а также отношением к ним со стороны интеллектуалов и власти отличается чрезвычайной неопределенностью, многозначностью, амбивалентностью и синкретизмом. Основная сложность здесь состоит в том, что современная Россия – это не страна, полностью утратившая традиции, а скорее страна с сохранившимися осколками множества традиций [19]. Поэтому «популярность различных форм традиционализма, апелляция к ним в сегодняшней России чаще всего означают реальную слабость традиций, традиционных начал в обществе, попытку таким образом компенсировать эту слабость» [20. С. 247]. В связи с этим любое обращение российской власти и ее оппонентов к национальной истории – это конструктивистское действие, предпринимаемое во имя обретения легитимности, что обуславливает инструментальное отношение к прошлому. При этом руководствуются идеологической установкой на отрицание существующих исторических разрывов и утверждение общего исторического наследия, носителями которого все «Мы» – россияне – являемся. Отсюда – внутренняя противоречивость и эклектичность публичного исторического дискурса российской власти.

С одной стороны, действительно необходимо реагировать на политизацию и дегероизацию общей истории народов СССР, разрушение доминирующего исторического мифа, использование новых интерпретации прошлого как политического ресурса. Хотя следует заметить, что в нашей истории постыдных, сомнительных, а то и «мешающих» сегодня фактов, суждений и оценок с каждым годом обнаруживается

все больше. Так, россияне с большими трудом свыкаются с новыми интерпретациями предьстории и истории Второй мировой войны, с разрушением мифов о принципиальной правоте внешней политики СССР в предвоенный, военный и послевоенный периоды, о моральной непогрешимости солдат Красной Армии и др. Это имеет сегодня и тревожные следствия: социологи отмечают, «можно констатировать, что историческая память внутренне противоречива и подвержена временной динамике, причем неблагоприятной для существующей российской власти» [15. С. 103]. Примечательно и зафиксированное социологами, первое место Сталина среди исторических фигур, вызывающих чувство гордости у респондентов. При этом в числе сторонников этой исторической фигуры (в Санкт-Петербурге) почти три четверти (71,2%) молодых людей (18–29 лет). Важно отметить, что в опросе 2005 г., проведенного теми же социологами, Сталин ни у кого из респондентов не вызывал положительных эмоций, напротив, у каждого третьего участника опроса (32,5%) он вызывал исключительно негативные эмоции, занимая 2 место в ряду отвержений после Б. Ельцина [15. С. 100–101]. Это может свидетельствовать о том, что для молодых россиян фигура И. Сталина, воспринимается как альтернатива нынешней власти, тем более что усилия по десталинизации российского общества всегда носили непоследовательный, «кампанейский» характер.

С другой стороны, проявленная российской властью решимость вступить на путь борьбы с фальсификациями истории – означала готовность ввязаться в затяжную информационную «войну памяти» с соседями. Попытки принятия «мемориального закона», запрещающего отрицать ведущую роль СССР в победе над фашизмом, создание в мае 2009 г. Указом Президента РФ Д. Медведева государственной «Комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» и другие меры означали, что политическая элита приняла те «правила игры», по которым осуществляется «историческая политика» в других посткоммунистических странах. Теперь и в России история и национальная память признаны ареной ожесточенной политической борьбы, а «непредсказуемое» прошлое оказывается идеологическим ресурсом и потому за него борются. Особенно обострилась эта «война памяти» в связи с нынешними событиями на Украине. Теперь считается, что альтернативная или конкурентная интерпретация исторических событий наносит урон не только патриотическому воспитанию нового поколения, но и безопасности государства. Отсюда, похоже, сделан вывод: история слишком политически важна, чтобы оставить ее на откуп профессиональным историкам (поэтому, наряду с историками, в президентскую комиссию были включены начальник Генштаба Вооруженных сил РФ и высшие офицеры служб безопасности)³. Как следствие, формирование «госзаказа» на единственно истинную и патриотическую версию истории, которая негласно навязывается обществу и оказывается выгодной вполне определенным политическим силам.

Наиболее востребованным в политике памяти посткоммунистических государств является «образ трагического героя», освободившегося от имперского ига и угнетения ценой огромных жертв и выстрадавшего свое право на свободу и демократию. Отсюда уже отмеченная, крайне негативная интерпретация практически всей истории имперской России и СССР (этот феномен получил название «синдром виктимизации») и, напротив, позитивная оценка распада Союза. Такого рода «знание» школьники и студенты черпают из СМИ, учебников и псевдонаучных книг по истории, которые вот уже более 20 лет пишут и издают в постсоветских странах.

В России же стремятся закрепить в сознании граждан распад Советского Союза как «величайшую геополитическую катастрофу XX века» (В. Путин)⁴. Однако политика памяти во многих национальных республиках РФ строится по тем же постколониальным лекалам, что и в странах постсоветского пространства. Еще в начале 1990-х гг., тогда преподаватель еще Чечено-Ингушского пединститута Б. Нанаева приходит к выводу о том, что «независимость Чечни – объективная закономерность мирового исторического процесса», опираясь на утверждение: «Право наций на самоопределение является общепризнанным законом развития общества, в соответствии с которым народы России вступили в процесс национально-освободительной борьбы, определив новый этап мирового антиколониального движения» [22. С. 39]. Постколониальный дискурс активно используется в национальных республиках России и в новом столетии. Так, в вузовском учебном пособии «История Татарстана. Методология и понятия» (Казань, 2008) можно прочесть, что «сопротивление татар войскам Ивана IV приобрело характер отечественной войны народа, осознавшего единство и неразделимость своей страны, своего государства и своей судьбы... а после падения Казанского ханства татарское общество столкнулось с российской колониальной политикой полной ассимиляции присоединенных народов в воображаемое этнически и православно единое русское общество (русское государство)» и т.д. [23. С. 57, 146].

В связи с этим А. Миллер сегодня утверждает, что «на первый план выходит проблема единства исторического мифа на пространстве России, поскольку во многих автономных республиках политика памяти находится в кричащем противоречии с задачей формирования общероссийской идентичности. Эта тема политики памяти может стать в ближайшее время полем серьезной политической борьбы» [24. С. 224]. Так, в школьных программах до 2007 г. существовал так называемый региональный компонент, в рамках которого в ряде национальных республик РФ читались курсы региональной / национальной истории и этнопедагогики, на практике превратившиеся в своего рода факультативы по этнообразию, поскольку оещали не культурное многообразие регионов и исторически сформировавшиеся культурные связи между «титультными» этническими группами и русскими, а знакомили преимущественно с историей и культурой «коренного» народа, при этом историческое прошлое интерпретировалось в духе этнического

романтизма, а место своего народа в истории России – с использованием концепта постколониализма.

Социологические опросы фиксируют, что распад СССР и сегодня вызывает наибольшее чувство стыда у многих россиян. Так, «у каждого пятого из числа опрошенных петербуржцев негативные эмоции вызывает именно распад СССР, симптоматично, что значительно чаще используется оценочное понятие “развал” или “разрушение”, а не нейтральное “распад”. Примечательно также, что это событие указывается почти в равной мере представителями разных поколений, включая самых молодых, которые либо уже родились после этого события, либо в 1991 г. были совсем маленькими детьми» [15. С. 96–97].

Действительно, русский народ не боролся за «независимость» и не хотел ее. Поэтому именно распад СССР, как ни одно другое историческое событие, «ущемляет национальное самосознание русского человека... Уход республик до сих пор у многих вызывает чувство обиды и даже недоумения» [Там же. С. 97]. Как итог новая Россия, «метрополия прежней империи, была единственной страной на этом (постсоветском) пространстве, в которой посткоммунистическое развитие не воспринималось как «национальное возрождение», а напротив, зачастую трактовалось как “национальная катастрофа” [25. С. 465]. Это, конечно же, не может найти понимания у большинства соседей России, поскольку в постколониальных нарративах постсоветских государств величайшей катастрофой объявляется как раз их существование в составе СССР.

Р. Брубейкер отмечает, что «прошлое конструируется и реконструируется, исходя из потребностей и целей каждого последующего поколения, даже личная память является насквозь социальным и культурным

конструктом» [26. С. 291]. Поэтому историческая память по определению «спорна и пристрастна» (Т. Джадт). Однако, во-первых, неясно, каким образом можно вообще «противодействовать» политике памяти другого суверенного государства, предлагающего свой альтернативный вариант «национальной» истории; во-вторых, попытки навязать «единственно правильную» интерпретацию тех или иных событий общей истории очевидно контрпродуктивны. «Реакцией России на свое собственное прошлое не может ограничиваться дело. Мы имеем длительные отрезки общей истории, а значит, она не может быть чьим-то единственным, собственным достоянием, как бы это кому-то не хотелось», – замечает «русскоязычный» исследователь из Латвии [27. С. 152]. Поэтому в лучшем случае эти попытки бесполезны, в худшем – ведут к обострению конфликтного противостояния. Пример тому – нынешние ожесточенные информационные войны, в том числе «войны памяти» Украины и России, Польши и России, стран Запада и России и др.

Впрочем, в России коллективное прошлое россиян и постсоветских народов, скорее, является объектом ситуативного инструментального «использования», нежели предметом целенаправленного систематического «конструирования» общей истории. Следствиями такой политики памяти являются ее реактивность, ограниченность репертуара «политически пригодного» прошлого, использование исключительно для легитимации текущих решений и действий российской власти. В результате, спустя более четверти века после распада СССР, в России так и не удалось сформировать концепцию отечественной истории, приемлемую для большинства россиян и отвечающую задачам формирования российской гражданской национальной идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Империя эта при всей ее необъятности – не что иное, как тюрма...» [12. С. 225].

² Акцентируя исключительную роль «мифа о войне», Н. Копосов пишет: «Новый режим искал опору в национальной традиции. Но он претендовал на то, чтобы считаться демократическим, и поэтому не мог однозначно положительно оценивать террор и коммунистическое мессианство. ...Поэтому и понадобился миф о войне, который позволял сконструировать трагическое, но славное и вдобавок осязаемое, конкретное, легко представляемое в ярких образах прошлое. Миф о войне стал *настоящим мифом происхождения* постсоветской России» [14. С. 162–163].

³ Впрочем, в марте 2012 г. эта комиссия, так и не выполнившая возложенных на нее функций, без лишнего шума была распущена.

⁴ Однако не все так однозначно с оценкой распада СССР в современной России. Так, для либерального эксперта, «провал “интернационалистского” проекта СССР... это акт (возможно еще не последний) деколонизации бывшей “одной шестой части суши”» [21. С. 57].

ЛИТЕРАТУРА

1. Питер Катценштайн беседует с Раффаэле Маркетти «Понять, что существует диффузия власти и изменения происходят постоянно» // 22 идеи о том, как устроить мир: беседы с выдающимися учеными / под ред. П. Дуткевича, Р. Саквы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 257–290.
2. Малинова О.Ю. Новый взгляд на старую проблему: Россия и Европа / Запад в свете постколониального подхода (Рецензия) // Символическая политика : сб. науч. тр. / ред. О.Ю. Малинова и др. М. : РАН ИНИОН, 2016. Вып. 4: Социальное конструирование пространства. С. 354–362.
3. Грицанов А.А. Постколониальные исследования // Постмодернизм (Энциклопедия). URL: <http://www.infolib.info/philos/postmod/postcolonial.html> (дата обращения: 30.10.2018).
4. Hogan P.K. Understanding Nationalism // On Narrative, Cognitive Science, and Identity. Columbus: Ohio State University Press, 2009. P. 167–213.
5. Миллер А. Введение к серии // Кушко А., Таки В. Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 5–14.
6. Kuzio T. History, Memory and Nation Building in the in the Post-S in the Soviet Colonial Space // Nationalities Papers. 2002. Vol. 30, № 2. P. 241–264.
7. Крюхин Д. Мультикультурализм, национализм и идентичность: украинский контекст // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М.Б. Погребинского, А.К. Толпыго. М. : Весь мир, 2013. С. 195–218.

8. Березняков Д.В., Козлов С.В. Символическая политика постсоветской Украины: между «советским прошлым» и «европейским будущим»? // Символическая политика. Вып. 3: Политические функции мифов / ред. О.Ю. Малинова и др. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 171–191.
9. Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 232 с.
10. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М.: Красная Новь, 1923. 296 с.
11. Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов: в 2 т. М.: Изд. ком. академии, 1930. Т. 1. 558 с.
12. Кюстин А. Россия в 1839 году. М.: АСТ, 2008. 411 с.
13. Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. Ростов н/Д, 2013. № 1. С. 114–130.
14. Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
15. Сикевич З. Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2012. 207 с.
16. Фосвинкель Й. Ретроспективное массовое сознание // В поисках России: Серия публикаций к дискуссии об идентичности / под общ. ред. Пеера Тешендорфа, Елены Белокуровой, Марии Унрау. СПб.: Интерсоцис, 2008. Т. 1. Северо-Запад России – Санкт-Петербург. С. 73–76.
17. Ефременко Д.В. Переизобрести Европу – переобразить Россию // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: сб. науч. тр. / редколл. М.В. Ильин и др. М.: РАН ИНИОН, 2010. Вып. 1: Альтернативные модели формирования наций. С. 54–78.
18. Миллер А. Европейские войны памяти: кто взорвал консенсус истории и чем за это заплатит // Новая газета. 3.06.2015. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/68655.html> (дата обращения: 15.11.2018).
19. Ачкасов В.А. Россия как разрушающееся традиционное общество // Журнал социологии и социальной антропологии, СПб., 2000. Т. III, № 4. С. 34–42.
20. Гофман А.Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. Т. IV. С. 241–254.
21. Паин Э., Федюнин С. Нация и демократия: Перспективы управления культурным многообразием. М.: Мысль, 2017. 266 с.
22. Нанаева Б. Социально-политические аспекты чеченской революции (доклад на конференции репрессированных народов) // Кавказский дом. 1992. 15 мая. С. 37–41.
23. Сабирова Д.К., Шарапов Я.Ш. История Татарстана: Методологи и понятия: учеб. пособие. Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2008. 259 с.
24. Миллер А.И. Политика памяти в России: роль экспертных сообществ // Символическая политика: сб. науч. тр. / ред. О.Ю. Малинова и др. М., 2015. Вып. 3: Политические функции мифов. С. 210–235.
25. Макаренко Б., Мельвиль А. Как и почему «зависают» демократические транзиты? Посткоммунистические уроки // Демократия в российском зеркале / сост. А.М. Миграция, А. Пшеворский. М.: Изд. МГИМО, 2013. С. 249–276.
26. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
27. Макаров В. «Бои за историю» в Латвии / Национальные истории на постсоветском пространстве-II. Десять лет спустя / под ред. А. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2010. С. 148–156.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 18 февраля 2019 г.

The Discourse of Postcolonialism in the Politics of Memory of the Post-Soviet States

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 146–152.

DOI: 10.17223/15617793/440/20

Valery A. Achkasov, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: val-achkasov@yandex.ru

Keywords: politics of memory; discourse of postcolonialism; nationalism; national self-determination; Russia; post-Soviet states.

The author of the article outlines special features of the “politics of memory” of the post-Soviet states and Russia, which are characterized by new, often diametrically opposite interpretation of the events of the common past. First of all, in the new national histories, the image of the imperial and Soviet Russia was created as a “negatively significant Other” within the discourse of post-colonialism. This scheme is also transferred to the current relations with the post-imperial Russia. It is stressed that the postcolonial discourse of post-Soviet historians has much in common with the interpretation of the history of Russia in the USSR in the 1920s. The difference is that in the new national histories the Soviet period is interpreted as the time of colonial domination of Russia and the Russians over the peoples of the national *peripheries* of the empire. At the same time, the article notes that the reaction of the Russian political and intellectual elite to the issues created by the neighbors’ “politics of memory” cannot be considered quite adequate. Moreover, memory politics in many national republics of the Russian Federation is based on the same postcolonial patterns as in the states of the post-Soviet space. Therefore, today, the problem of ensuring the unity of the historical myth throughout the entire space of Russia becomes extremely relevant, since in many national republics the “memory politics” is in a clear contradiction with the task of forming the all-Russian civil identity. This is largely due to the fact that school curricula until 2007 had a “regional component”, and within its frames courses on regional or national history and ethnic pedagogics in the national republics of Russia in practice turned into “ethnocentrism electives” since they introduced the history and culture of the “titular” ethnos rather than covered the ethnic cultural diversity of the regions and the historically formed cultural ties between the “titular” ethnic groups and the Russians. At the same time, the historical past of the people before their integration into the Russian Empire was interpreted in the spirit of “ethnic romanticism”, and the period of existence within the Russian/Soviet state was depicted as a time of colonial oppression. As a result, the author of the article comes to the conclusion that, in modern Russia, the collective past of Russians and post-Soviet peoples is predominantly an object of situational instrumental “use” rather than of purposeful systematic “construction” of Russian identity. The consequences of such politics of memory are characterized by reactivity, limited by the repertoire of the “politically appropriate” past, used for legitimizing the current decisions and actions of the Russian authorities.

REFERENCES

1. Dutkevich, P. & Sakva, R. (eds) (2014) *22 idei o tom, kak ustroit' mir: besedy s vydayushchimisya uchenymi* [22 ideas on how to arrange the world: conversations with outstanding scientists]. Moscow: Moscow State University. pp. 257–290.
2. Malinova, O.Yu. (2016) *Novyy vzglyad na staruyu problemu: Rossiya i Evropa: Zapad v svete postkolonial'nogo podkhoda (Retsenziya)* [A new look at the old problem: Russia and Europe: West in the light of the postcolonial approach (Review)]. In: Malinova, O.Yu. et al. (eds) *Simvolicheskaya politika* [Symbolic politics]. Is. 4. Moscow: ISSS RAS.

3. Bobkov, I.M. (n.d.) Postkolonial'nye issledovaniya [Postcolonial studies]. In: Gritsanov, A.A. & Mozheyko, M.A. (eds) *Postmodernizm (Entsiklopediya)* [Postmodernism (Encyclopedia)]. [Online] Available from: <http://www.infoliolib.info/philos/postmod/postkolonial.html>. (Accessed: 30.10.2018).
4. Hogan, P.K. (2009) *Understanding Nationalism. On Narrative, Cognitive Science, and Identity*. Columbus: Ohio State University Press. pp. 167–213.
5. Miller, A. (2012) Vvedenie k serii [Introduction to the series]. In: Kushko, A. & Taki, V. *Bessarabiya v sostave Rossiyskoy imperii (1812–1917)* [Bessarabia as part of the Russian Empire (1812–1917)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Kuzio, T. (2002) History, Memory and Nation Building in the in the Post-S in the Soviet Colonial Space. *Nationalities Papers*. 30 (2). pp. 241–264.
7. Kiryukhin, D. (2013) Mul'tikul'turalizm, natsionalizm i identichnost': ukrainskiy kontekst [Multiculturalism, nationalism and identity: the Ukrainian context]. In: Pogrebinskiy, M.B. & Tolpygo, A.K. (eds) *Krizis mul'tikul'turalizma i problemy natsional'noy politiki* [Multiculturalism crisis and problems of national politics]. Moscow: Ves' mir.
8. Bereznyakov, D.V. & Kozlov, S.V. (2015) Simvolicheskaya politika postsovetsoy Ukrainy: mezhdru "sovetskim proshlym" i "evropeyskim budushchim"? [The symbolic politics of post-Soviet Ukraine: between the "Soviet past" and the "European future"?]. In: Malinova, O.Yu. et al. (eds) *Simvolicheskaya politika* [Symbolic politics]. Is. 3. Moscow: ISSS RAS.
9. Malakhov, V.S. (2014) *Kul'turnye razlichiya i politicheskie granitsy v epokhu global'nykh migratsiy* [Cultural differences and political boundaries in the era of global migrations]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Pokrovskiy, M.N. (1923) *Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke* [Russian history in the most concise essay]. Moscow: Krasnaya Nov'.
11. Pokrovskiy, M. (ed.) (1930) *Trudy Pervoy Vsesoyuznoy konferentsii istorikov-marksistov: v 2 t.* [Proceedings of the First All-Union Conference of Marxist Historians: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Izd. komm. akademii.
12. Kyustin, A. (2008) *Rossiya v 1839 godu* [Russia in 1839]. Moscow: AST.
13. Malinova, O.Yu. (2013) Problema politicheski "prigodnogo" proshlogo i evolyutsiya ofitsial'noy simvolicheskoy politiki v postsovetsoy Rossii [The problem of a politically "fit" past and the evolution of official symbolic politics in post-Soviet Russia]. *Politicheskaya kontseptologiya*. 1. pp. 114–130.
14. Kuposov, N. (2011) *Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii* [Memory of a strict regime: History and politics in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
15. Sikevich, Z. (2012) *Etnicheskie paradoksy i kul'turnye konflikty v rossiyskom obshchestve* [Ethnic paradoxes and cultural conflicts in Russian society]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
16. Fosvinkel', Y. (2008) Retrospektivnoe massovoe soznanie [Retrospective mass consciousness]. In: Teshendorf, P., Unrau, M. & Belokurova, E. (eds) *V poiskakh Rossii: Seriya publikatsiy k diskussii ob identichnosti* [In search of Russia: A series of publications to the discussion about identity]. Vol. 1. St. Petersburg: Intersotsis.
17. Efremenko, D.V. (2010) Pereizobresti Evropu – perevoobrazit' Rossiyu [To reinvent Europe: to transform Russia]. In: Il'in, M.V. et al. (eds) *METOD: Moskovskiy ezhegodnik trudov iz obshchestvedcheskikh distsiplin* [METOD: Moscow Yearbook of Works in Social Sciences]. Is. 1. Moscow: ISSS RAS. pp. 54–78.
18. Miller, A. (2015) Evropeyskie voyny pamyati: kto vzorval konsensus istorii i chem za eto zaplatit [European War of Memory: who blew up the consensus of history, and how they will pay for it]. *Novaya gazeta*. 3 June. [Online] Available from: <http://www.novayagazeta.ru/politics/68655.html>. (Accessed: 15.11.2018).
19. Achkasov, V.A. (2000) Rossiya kak razrushayushcheesya traditsionnoe obshchestvo [Russia as a collapsing traditional society]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. III (4). pp. 34–42.
20. Gofman, A.B. (2010) V poiskakh utrachennoy identichnosti: traditsii, traditsionalizm i natsional'naya identichnost' [In search of lost identity: traditions, traditionalism and national identity]. In: Reznik, Yu.M. & Tlostanova, M.V. (eds) *Voprosy sotsial'noy teorii* [Issues of social theory]. Vol. 4. Moscow: Assotsiatsiya "Mezhdistsiplinarnoe obshchestvo sotsial'noy teorii".
21. Pain, E. & Fedyunin, S. (2017) *Natsiya i demokratiya: Perspektivy upravleniya kul'turnym mnogoobraziem* [Nation and Democracy: Perspectives on Cultural Diversity Management]. Moscow: Mysl'.
22. Nanaeva, B. (1992) Sotsial'no-politicheskie aspekty chechenskoy revolyutsii (doklad na konferentsii repressirovannykh narodov) [Sociopolitical aspects of the Chechen revolution (report at a conference of repressed peoples)]. *Kavkazskiy dom*. 15 May. pp. 37–41.
23. Sabirova, D.K. & Sharapov, Ya.Sh. (2008) *Istoriya Tatarstana: Metodologiya i ponyatiya* [History of Tatarstan: Methodology and concepts]. Kazan: Kazan State Technical University.
24. Miller, A.I. (2015) Politika pamyati v Rossii: rol' ekspertnykh soobshchestv [The politics of memory in Russia: the role of expert communities]. In: Malinova, O.Yu. et al. (eds) *Simvolicheskaya politika* [Symbolic politics]. Is. 3. Moscow: ISSS RAS.
25. Makarenko, B. & Mel'vil', A. (2013) Kak i pochemu "zavisayut" demokraticheskie tranzity? Postkommunisticheskie uroki [How and why do the democratic transits "freeze"? Post-communist lessons]. In: Migranyan, A.M. & Pshevorskiy, A. *Demokratiya v rossiyskom zerkale* [Democracy in the Russian mirror]. Moscow: MGIMO.
26. Brubaker, R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Translated from English. Moscow: HSE.
27. Makarov, V. (2010) "Boi za istoriyu" v Latvii ["Fights for history" in Latvia]. In: Bomdorf, A. & Bordyugov, G. (eds) *Natsional'nye istorii na postsovetsoy prostranstve-II. Desyat' let spustya* [National histories in the post-Soviet space]. Moscow: AIRO-XXI, pp. 148–156.

Received: 18 February 2019